

«Немцы назначили адмирала... на Каспийское море»

К вопросу об обеспечении
ленд-лизингового транзита через Иран
и Каспий в 1941–1942 годах

С. М. Монин*

«Немцы назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море», — писал 30 сентября 1942 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль председателю Совнаркома СССР И. В. Сталину¹.

Немцы не только на Кавказе, но и на Каспийском море? Было ли такое возможно и что это означало бы для советско-германского фронта и для хода всей мировой войны? Как и в какой обстановке в период Московской битвы и Сталинградского сражения создавался транспортный путь через Персидский залив, Иран, Кавказ и Каспий, связавший СССР с западными союзниками и сыгравший столь значительную роль в обеспечении ленд-лизинговых поставок в Советский Союз?

Значение этого пути для хода войны на восточном фронте в Берлине осознали не сразу. Но уже при определении планов гитлеровского командования на летнюю кампанию 1942 года не последнюю роль сыграло стремление пресечь набиравшие обороты поставки грузов по ленд-лизу по южному («персидскому») коридору. «Не подозревая о возрождении советской военной промышленности, — пишут американские военные историки Д. Гланц и Д. Хадс, — немецкие стратеги сосредоточили внимание на амери-

канских и британских поставках по договору „ленд-лиза“ как на ключевом ингредиенте успеха Красной Армии в 1942 году. Наступление на Кавказе лишало бы союзников всякой возможности помогать Советскому Союзу...»². Некоторые из оценок американских учёных выглядят слишком категоричными («не подозревая...», «ключевой ингредиент»), как и слова об отсутствии «всякой возможности» для союзников помогать СССР, кроме как поставками по южному маршруту. Ведь был еще северный путь по арктическим морям, который, правда, немцы как раз в это время (в 1942 году) активно пытались блокировать своими авиацией и флотом, и путь с востока, через Тихий океан, который вообще был вне досягаемости для гитлеровцев.

Английский исследователь К. Беллами также подчеркивал, что наряду с нефтью и стремлением втянуть в войну Турцию (и тем самым окружить британские владения на Ближнем Востоке), целью Гитлера летом 1942 года было перерезать один из главных путей доставки союзнической помощи России³.

Об этих же целях германского командования говорили немецкие авторы. «Нефть и Кавказ были главными факторами, — писал В. Тике. — Одним ударом необходимо было перерезать пути

* Сергей Михайлович Монин — профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.

доставки помощи от союзников через Иран... Наряду с захватом нефтяных месторождений главным стремлением немецкого командования в ходе операции „Эдельвейс“ [по захвату Кавказа] было остановить этот поток материалов»⁴.

Несомненно, что прорыв немецко-фашистских войск к Волге, захват Кавказа и выход их к Каспию, помимо всех прочих тяжелейших последствий, по сути разрушил бы с таким трудом создававшийся «персидский коридор» для ленд-лизовских поставок.

Появление этого коридора, казалось, никак не вытекало из событий, предшествовавших нападению Гитлера на Советский Союз. Но получилось так, что в давнюю борьбу России (СССР) и Великобритании за влияние в Иране и на всём Среднем Востоке решительно вмешалась Германия, попытавшаяся военными и политическими средствами поставить под свой контроль этот регион. В итоге после 22 июня 1941 года всё это обернулось советско-английским союзом и превращением Ирана и Каспия в один из важнейших путей доставки ленд-лизовских грузов.

Иран (до 1935 года — Персия) с начала XIX века являлся объектом острого соперничества между Россией и Британией. Традиционно упоминалась, например, роль «английских агентов» в разгроме русского посольства и убийстве А. С. Грибоедова в Тегеране в 1829 году. «Большая Игра», которую две империи вели в Центральной Азии, давала о себе знать и на Среднем Востоке.

Ситуация изменилась только в 1907 году, когда Петербург и Лондон подписали соглашение о разделе Персии на русскую (север) и английскую (юг) зоны влияния с буферной зоной между ними. Более того, в годы Первой мировой войны имел место прецедент англо-русской военной акции в отношении Персии. Тогда русские и английские войска действовали с иранской территории против турок на Кавказском и Месопотамском фронтах, вели борьбу против германо-турецкой агентуры⁵.

Затем, однако, последовали революция в России, британская интервенция с персидской территории в Закавказье и Закаспий, новый виток соперничества двух держав в межвоенный период.

С началом Второй мировой войны, когда отношения Москвы с Лондоном и Парижем расстроились, казалось, донельзя, рассматривалась возможность нанесения англо-французского удара с юга по основному советскому

району нефтедобычи в Баку, а также по Батуми. Для проведения фотосъемок будущих объектов бомбардировок с авиабазы в Хаббании (Ирак) англичане совершили несколько разведывательных полетов над территорией СССР, пересекая при этом воздушное пространство Ирана. В Тегеране нашлись желающие поучаствовать в антисоветских предприятиях. Как утверждает в иранской литературе, шахский военный министр в начале 1940 года обратился к британскому военному атташе с предложением о совместном нападении на СССР и бомбардировке нефтепромыслов в Баку, а также о заключении секретного соглашения о военном сотрудничестве. Англичанам, однако, в тот момент втягивание Тегерана в открытый конфликт с Москвой было ни к чему, ибо в случае ответного удара СССР они едва ли смогли защитить Иран.

Советское командование готовило свои контрмеры. В начале 1940 года был усилен Закавказский военный округ, его командный состав провел игру на оперативных картах, в ходе которой отработывалось выдвижение советских войск в сторону Турции и Ирана (на Тебриз)⁶. По воспоминаниям С. М. Штеменко, в то время старшего помощника начальника ближневосточного отдела Генштаба, осень 1940 и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание ближневосточного театра. В мае 1941 года в Закавказском и Среднеазиатском военных округах были проведены командно-штабные учения⁷.

Реализовать англо-французские планы нападения на СССР помешало начало наступления немецко-фашистских войск на Западном фронте в мае 1940 года.

Между тем во второй половине 1930-х годов у Советского Союза и Великобритании появился новый и очень опасный конкурент в борьбе за влияние в Иране — фашистская Германия. Гитлеровцев Иран интересовал как стратегический плацдарм против СССР и Британской империи, а также как источник сырья, прежде всего нефти (8,4 млн тонн в 1940 году — четвертое место по добыче в мире). Германский фактор становился все более весомым во внутри- и внешнеполитической жизни Ирана. Нацистская пропаганда энергично проталкивала идею об общем «арийском происхождении» и «арийском братстве» немцев и персов. В 1940–1941 годах 45,5% внешней торговли Ирана приходилась на Германию, тогда как на СССР — 11%, Великобританию — 4%. Немцы поставляли промышленное оборудо-

вание, направляли специалистов и консультантов, организовали авиалинию Берлин — Кабул, проходившую через Иран. Особенно активно они участвовали в модернизации и расширении железных дорог, столь важных с экономической и стратегической точки зрения. Три четверти паровозов были привезены из Германии, а немецкий персонал встречался повсюду: от центрального управления железными дорогами до паровозных бригад⁸.

Особое беспокойство в Москве и Лондоне вызывали военные связи между Берлином и Тегераном: поставки немецкого оружия и военного снаряжения, направление немецких военных инструкторов и советников в иранскую армию, жандармерию и полицию, обучение иранских курсантов в германских военно-учебных заведениях.

В Иран с разведывательно-диверсионными целями активно внедрялась германская агентура. Она проявляла особый интерес к районам, граничащим с Советским Союзом и Британской империей. Проводилась подготовка к диверсионно-террористическим актам, создавались склады оружия, боеприпасов, взрывчатки. Немцы налаживали связи с представителями российской политэмиграции, с азербайджанской, армянской, грузинской, туркестанской диаспорами. Они устанавливали контакты с вождями племен, которые могли создать большие проблемы для центрального правительства в Тегеране. Прямые агенты Германии и её агенты влияния имелись практически во всех сферах политической и общественной жизни страны. Влияние нацистов ощущалось буквально везде: «от шахского двора до тегеранского базара»⁹.

Озабоченность СССР и Великобритании военно-политической ситуацией в регионе заставила их (пока по отдельности) еще до июня 1941 года обращаться к Тегерану с соответствующими запросами. Так, советская сторона зондировала возможность использования расположенных вблизи границы иранских аэродромов и участков Трансиранской железной дороги для обеспечения защиты своих приграничных районов в случае нападения противника. Ставился также вопрос о предоставлении аэродромов и казарм для размещения войск на иранском побережье Каспийского моря для защиты своих нефтяных месторождений. Английское правительство осенью 1940 года и в начале 1941 года направило Ирану первые ноты протеста против деятельности немецких агентов, коих, по бри-

танским разведывательным данным, только в Тегеране было 4 тысячи человек¹⁰. По другим британским оценкам, в июле 1941 года в Иране проживало 2–3 тысячи германских подданных, включая 1 тысячу мужчин¹¹.

Стремительный рост могущества Третьего рейха, его агрессивная, экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Наиболее сильны были прогерманские настроения в высшем командном составе армии. В итоге к началу мировой войны нацисты изрядно потеснили в Иране и русских, и англичан.

Вместе с тем, как утверждает в новейших исследованиях отечественных ученых¹², назвать внешнеполитический курс Ирана полностью прогерманским нельзя. Об этом, в частности, свидетельствовало привлечение к суду осенью 1939 года большой группы профашистски настроенных лиц, обвиняемых в попытке организации государственного переворота. Причем главный обвиняемый — Мохсен Джахансуз, известный тем, что перевёл на фарси «Майн кампф», был расстрелян. Другие лица — военные и гражданские — получили различные сроки заключения.

Правитель страны Реза-шах Пехлеви пытался маневрировать между Москвой, Лондоном и Берлином, волей-неволей все более широко сотрудничая с последним, самым активным и успешным на тот момент игроком из этой тройки. Он рассчитывал, что связи с Германией помогут уравновесить влияние традиционных «покровителей» его страны. При этом шах не терял чувства осторожности и прагматизма, опасаясь, как бы Иран не оказался жертвой очередного «раздела» или «передела» мира. Подобная гипотетическая опасность существовала, например, после советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 года, когда поползли слухи о «согласии» Германии предоставить СССР зону влияния к югу от его границ, в сторону Индийского океана.

С началом Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 года заявил о своем нейтралитете и подтвердил эту свою позицию 26 июня 1941 года после нападения Германии на Советский Союз.

От исхода грандиозных сражений, развернувшихся на советско-германском фронте, теперь в решающей степени зависела судьба стран Ближнего и Среднего Востока. Гитлер, не сомневаясь в успехе операции «Барбаросса»,

намеревался после разгрома СССР прорваться в этот регион и дальше двигаться через Иран на Британскую Индию. В директиве № 32 от 11 июня 1941 года верховное главнокомандование вермахта изложило планы действий германских армии, авиации и флота «после уничтожения советских вооруженных сил». В частности, предполагалось оказать сильное давление на Турцию и Иран с целью заставить их принять участие в борьбе против Англии. Британцев предстояло выдавить из Палестины и зоны Суэцкого канала двумя сходящимися ударами: один из Ливии через Египет, другой из Болгарии через Турцию. После крушения Советского Союза планировалось организовать отправку германских экспедиционных сил из Закавказья к нефтяным месторождениям в северном Ираке. В решении этих задач ожидалась поддержка со стороны арабского населения региона, недовольство и мятежи которого должны были связать силы британцев.

В какой-то момент в ходе продвижения вермахта вглубь территории СССР встал вопрос о выборе приоритетного направления наступления. В «Записке от 23 августа 1941 года по вопросу о продолжении операции на советско-германском фронте» фюрер мотивировал своё решение бросить силы не на Москву, а на юг тем, что, в частности, политически было «прежде всего» необходимо «дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан»¹³.

Гитлер неслучайно упомянул о «практической помощи» Ирану против СССР и Великобритании. С учётом складывавшейся ситуации не только на советско-германском фронте, но и в Северной Африке и Средиземноморье это выглядело не столь уж нереальным делом.

В самом Иране немцев, по всей вероятности, уже не устраивал недостаточно уступчивый старый шах. Как отмечается в научной литературе, в июле-августе 1940 года, а затем в августе следующего года профашистские силы собирались осуществить государственный переворот. В подтверждение наличия подобных планов, в частности, указывают на поездку руководителя абвера адмирала В. Канариса в Иран летом 1941 года¹⁴.

На Арабском Востоке немцы искусно играли на антиколониальных настроениях масс, выставляя себя в качестве их союзников в борьбе за независимость. В октябре 1940 года Германия и Италия в совместной декларации заявили

о своих симпатиях к арабскому национально-освободительному движению и призвали арабов принять участие в ликвидации Британской колониальной империи. У них нашлось не так уж мало сторонников. В их числе оказался, например, муфтий Иерусалима, лидер арабских националистов в Палестине Мухаммад Амин аль-Хусейни. Даже позднее, в 1942 году, во время наступления германо-итальянских войск в Каире проходили массовые демонстрации под лозунгом «Роммель, вперед!»¹⁵.

Но главное — в первой половине 1941 года в пользу держав «оси» изменилась военно-стратегическая ситуация в регионе. В январе над Средиземным морем появились самолеты люфтваффе. Начались налёты на Мальту — британский бастион в центральной части региона. Производилось минирование Суэцкого канала. Англичане, развернув наступление на вторгшихся осенью 1940 года в Египет итальянцев, к февралю следующего года отбросили их далеко за ливийскую границу. Но вместо того, чтобы добить итальянские войска в Ливии и тем самым лишить Муссолини всякого плацдарма в Северной Африке, в Лондоне, видимо, решили, что разгромленные итальянцы все равно никуда не денутся, а основные британские силы можно бросить на помощь Греции.

Когда внимание англичан переключилось на Балканы, в Ливию в феврале стали прибывать германские войска под командованием генерала Э. Роммеля. В конце марта его Африканский корпус перешёл в наступление и к середине апреля вытеснил англичан из Ливии. Британское командование в мае-июне дважды пыталось переломить ситуацию и перейти в наступление, но успеха не добились.

Для Великобритании ситуация усугублялась ещё тем, что в апреле Германия разгромила Югославию и Грецию, а в 20-х числах мая немецкие парашютисты после упорных боев захватили остров Крит. Остатки английского экспедиционного корпуса эвакуировались из Греции в Египет. Додеканесские острова, в том числе остров Родос, еще с 1912 года были владениями Италии. Таким образом, державы «оси» закрепились в восточном Средиземноморье и получили здесь удобные военные плацдармы. Казалось, еще чуть-чуть и волна германо-итальянской агрессии накроет страны Юго-Западной Азии и покатится в сторону советского Закавказья. Первыми в регионе увидели немецких солдат Ирак и Сирия.

После Первой мировой войны Ирак, ранее входивший в состав Османской империи, был передан под мандат Великобритании. Однако в 1930 году был заключен британско-иракский договор, согласно которому Ирак признавался независимым государством. Англичане сохраняли за собой две военные базы (Басру вблизи Персидского залива и Хаббанию, в 40 км от Багдада), право на передвижение своих войск по стране, а также косвенный контроль за внешней политикой и обороной Ирака. У них также были коммерческие интересы на нефтепромыслах Мосула и Киркука, где в 1940 году было добыто 2,5 млн тонн нефти.

Успехи Гитлера в начале мировой войны подстегнули волну национализма, усилили антибританские и профашистские настроения в Ираке. 1 апреля 1941 года последовал военный переворот. Лидер националистов Рашид Али аль-Гайлани стал премьер-министром. Багдад открыто установил связи с Германией и попросил её о поддержке.

Немцы через Сирию по воздуху стали поставлять в Ирак оружие и боеприпасы. Туда же были направлены германские военные советники. В небе Сирии и Ирака появились немецкие и итальянские самолеты. Начались воздушные бои с англичанами. База в Хаббании подвергалась налетам германской авиации. В Ирак было отправлено диверсионно-террористическое формирование «Бранденбург-800», которое уничтожило две британские канонерские лодки и другие суда, разгромило попавший в засаду отряд англичан¹⁶. Все это происходило на фоне успехов Э. Роммеля в Северной Африке.

В начале мая силы националистов атаковали базу в Хаббании. Но после нескольких дней боев стало ясно, что иракцев ждёт разгром. Зря Рашид Али надеялся на прибытие немецких десантников (те были в этот момент задействованы на Крите). Германия не могла оказать Багдаду масштабную военную помощь, так как была сосредоточена на подготовке к войне с Советским Союзом.

В Басру прибывали все новые войска из Индии. Британская группировка, насчитывавшая 5800 чел., в том числе 1500 чел. из арабского легиона из Трансиордании, перешла в наступление, разгромила иракские правительственные войска и 1 июня вступила в Багдад. К власти пришли пробританские силы¹⁷.

Подавив восстание в Ираке, англичане, что говорится, на одном дыхании решили вопрос с Сирией и Ливаном¹⁸.

Этими французскими владениями управляла администрация во главе с генералом А. Ф. Денцем. Немцы и итальянцы чувствовали себя в этих странах вольготно, развернув там антибританскую деятельность. Вишистские власти всячески мешали французским и другим солдатам уходить в британскую Палестину, чтобы присоединиться к антинацистским силам. Сделать это смогла только одна крупная воинская часть — польская Карпатская бригада, сформированная из польских военнослужащих, сумевших после сентября 1939 года добраться до Ближнего Востока¹⁹.

С 14 мая британская авиация стала наносить удары по сирийским аэродромам, которые использовались немецкими и итальянскими самолетами. 8 июня началось наступление на суше. В нём участвовали английские, австралийские, индийские и французские («Свободной Франции» генерала Ш. де Голля) войска при поддержке местных формирований из арабов и добровольцев-евреев из Палестины. Этой группировке противостояли значительные силы: около 35 тыс. человек при превосходстве в авиации (100 самолетов против 60). По информации англичан, среди этих сил было примерно 11 батальонов местных спец. войск, состоявших из сирийцев, черкесов и русских белогвардейцев²⁰.

Сопrotивление вишистов, поначалу слабое, затем заметно усилилось. Союзным войскам пришлось немало постараться, чтобы сломить его. Наконец, после 3-дневных ожесточенных боев 21 июня был взят Дамаск. После этого немецкие самолеты подвергли столицу Сирии бомбардировке, погубившей сотни людей. Чувствуя, что его силы иссякают, генерал А. Ф. Денц запросил перемирия, которое и было подписано 14 июля. Победа стоила союзникам свыше 4600 человек убитыми и ранеными. Потери вишистов составили около 6500 человек.

Решительные действия англичан имели далекоидущие последствия. Они расширили свой контроль над регионом. Продвижению фашистов в сторону Персидского залива, Ирана, Кавказа и Индии был положен конец. Как скоро выяснилось, это было очень важно для обеспечения безопасности «персидского коридора» от угрозы противника с суши. Объективно успехи британцев были на руку Советскому Союзу, хотя их отношения с Москвой до 22 июня 1941 года, мягко говоря, оставляли желать много лучшего. У Черчилль впоследствии с понятным раздражением писал, в частности, о том, что «3 мая

Россия официально признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке»²¹.

Поставив под свой контроль Ирак, Сирию и Ливан, англичане переключили своё внимание на Иран. Планы оккупации Ирана, прежде всего его нефтепромыслов, начали разрабатываться в Лондоне еще до того, как Гитлер напал на СССР. Но 22 июня резко изменило ситуацию в регионе.

24 июня командиру британского отряда в Персидском заливе был отдан приказ начать разработку плана вторжения в Иран, а в конце месяца Лондон обратился к Москве с предложением одновременно ввести свои войска в эту страну²². Как вспоминал У. Черчилль, когда мятеж в Ираке был подавлен, а Сирия оккупирована, «мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию»²³. 11 июля британский кабинет поручил начальникам штабов рассмотреть вопрос о желательности действий в Иране совместно с русскими, если Тегеран откажется выслать германскую колонию.

Москва и Лондон очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана. Их объединяло общее понимание того, что они хотели добиться от Тегерана. Так, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «По поводу Персии. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну»²⁴.

Началось активное обсуждение иранского вопроса по дипломатическим каналам. В 12:00 22 июня 1941 года советский посол в Великобритании И. М. Майский был приглашён на встречу с министром иностранных дел А. Иденом, который подчеркнул, как сообщал посол, что «британское правительство готово оказать нам содействие во всем, в чём оно может». В это же самое время в Москве первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский принял временного поверенного в делах Великобритании в СССР Г. Багалея по просьбе последнего (посол С. Криппс в это время находился в Лондоне). Британский дипломат заявил о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив²⁵. Таким образом, вопрос о «персидском коридоре» для поставок в СССР был поставлен в первый же день Великой Отечественной войны.

28 июня на встрече В. М. Молотова с С. Криппсом (как и А. Идена с И. М. Майским) говорилось о желательности «общей политиче-

ской линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока и о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион. Английская сторона вновь подчеркнула свою готовность к экономической поддержке СССР, которая была обусловлена лишь транспортными затруднениями. На следующий день В. М. Молотов, говоря с американским послом Л. Штейнгардтом о путях оказания Соединёнными Штатами помощи Советскому Союзу, указал, что есть путь через Иран, который работает круглый год²⁶.

Хотя с Ираном пока не было никаких договорённостей относительно использования его транспортной инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решённом вопросе. 28 июня народный комиссар внешней торговли СССР А. И. Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом С. Криппсом и его сотрудниками пропускную способность Трансиранской железной дороги, иранских шоссейных дорог и портов, а также возможности наращивания поставок²⁷.

И. В. Сталин неоднократно говорил о ситуации в Иране с С. Криппсом. Так, указав 8 июля на необходимость демарша в Тегеране с требованием удалить германскую «пятую колонну» из Ирана, они уже 10 июля сошлись во мнении, что дипломатические меры может быть придется поддержать военными. О том же говорил У. Черчилль с советским послом И. М. Майским²⁸.

Москва демонстрировала Тегерану готовность принять немедленные меры к доставке по своей территории транзитных грузов в Иран, в том числе вооружения. В ответ шахское правительство заявляло, что Иран в принципе не возражает против транзита советских грузов, но в силу своего нейтралитета категорически против перевозок оружия²⁹. Такая позиция, безусловно, обесценивала значение «персидского коридора» для СССР.

В нотах от 26 июня, 19 июля и 16 августа советское правительство обращало внимание Тегерана на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны. В двух последних случаях аналогичные требования выдвигала Великобритания.

В ходе переговоров между собой Москва и Лондон демонстрировали готовность к согласованным действиям в отношении Ирана. Так, во время беседы 20 июля С. Криппс вручил В. М. Молотову памятную записку посольства

Великобритании относительно присутствия немецких агентов в Иране и Афганистане. В ней, в частности, сообщалось, что британскому посланнику в Тегеране Р. Булларду дано «указание поддержать всякое представление, которое его советский коллега был бы уполномочен сделать иранскому правительству по этому вопросу»³⁰.

Сложнее обстояло дело с США. Понятно, что Соединенные Штаты, оставаясь ещё нейтральной державой, занимали более сдержанную позицию. Они предпочли бы, чтобы удалось избежать прямой военной акции в отношении Ирана, сохранив его суверенитет и целостность. Это стало тем более важно для американцев после подписания 14 августа президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем Атлантической хартии.

По воспоминаниям советского дипломата В. М. Бережкова, американский посол Л. Штейнгардт во время посещения Наркоминдела вновь и вновь пускаясь в рассуждения о том, что по отношению к Ирану не следует принимать резких мер, что лучше постараться уговорить старого Реза-шаха пресечь деятельность гитлеровской агентуры и установить более тесные отношения с союзниками. Тогда, дескать, можно будет решить и все другие вопросы, в частности проблему налаживания транспортного пути от Персидского залива до советской границы³¹.

Вместе с тем США не могли не считаться с интересами Великобритании и СССР и потому не пошли навстречу Реза-шаху, который обратился к ним с просьбой о поддержке и посредничестве. В итоге Соединённые Штаты молчаливо одобрили действия русских и англичан в Иране³².

Иранская сторона, несмотря на давление со стороны Москвы и Лондона, всячески уклонялась от выполнения их требований, ссылаясь на то, что они носят ультимативный характер, ущемляют суверенитет Ирана и нарушают проводимую им политику строгого нейтралитета. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», — докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране А. А. Смирнов³³. Реза-шах и его окружение, видимо, исходили из того, что Германия вот-вот разгромит Советский Союз, и тогда им надо будет как-то объясняться с Гитлером.

Нежелание иранских властей пропускать через свою территорию оружие для СССР (а без этого «коридор» терял свое значение) и нейтрализовать германскую «пятую колонну», стало

последним толчком к военной акции со стороны союзников. Словесные заверения иранцев уже не удовлетворяли союзников. Не помогло даже то, что вечером 23 августа Реза-шах заявил английскому посланнику Р. Булларду, что принимает требование о высылке немцев из страны. В условиях смертельной схватки с державами «оси» вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходили на второй план.

Британцам не впервой было действовать без оглядки на право, мораль и желание другой стороны, если дело касалось их жизненных интересов. Достаточно вспомнить нападения англичан на французский флот после капитуляции Франции. Или силовое вытеснение вишистов из французских колоний. Всё это сопровождалось гибелью тысяч французских солдат — вчерашних союзников Британии.

Объясняя действия в отношении Ирана, У. Черчилль лишь подчеркнул, что Англия и Россия боролись за свою жизнь. «*Inter arma silent leges*» («когда говорит оружие, законы молчат»), написал он в своих мемуарах³⁴. Правда, некоторые английские историки оценивают действия своего правительства в отношении Ирана гораздо более жёстко. «Персия стала важным путём снабжения для оказания помощи Сталину, — пишет М. Хастингс, — но британцы отдавали себе отчёт, что их силовые действия там напоминают то, как делал свои дела Гитлер»³⁵. С позиции международного права, как справедливо отмечает А. Б. Оришев, только действия Великобритании в августе 1941 года, но никак не СССР, можно характеризовать как «оккупацию»³⁶.

Советскому руководству, особенно в начальный период Второй мировой войны, тоже приходилось идти напролом, не особенно думая о международном праве. Однако в случае с Ираном у СССР было твердое юридическое обоснование для ввода своих войск. В подписанном в феврале 1921 года советско-персидском договоре говорилось, что в случае «если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России», если при этом будет угрожать опасность границам России или союзных ей держав и если правительство Персии после предупреждения само не окажется в силе отвести эту опасность, то «Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию

Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые (военные) меры»³⁷.

Утром 25 августа 1941 года от имени правительств СССР и Великобритании в Тегеране были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана. В советской ноте говорилось, что Советское правительство, «руководствуясь чувством дружбы к иранскому народу и уважением к суверенитету Ирана, всегда и неизменно осуществляло политику укрепления дружеских отношений между СССР и Ираном и всемерного содействия процветанию иранского государства». В подтверждение напоминалось о таких шагах Советской России, как аннулирование всех платежей Ирана по царским обязательствам, прекращение вмешательства в доходы Ирана, отмена консульской юрисдикции, безвозмездная передача в собственность иранского народа предприятий, сооруженных Россией (шоссейных дорог, портовых сооружений в городе Энзели, железной дороги Джульфа-Тебриз, почтовых учреждений, телефонных и телеграфных линий, Учетно-ссудного банка). Однако в последние годы, и особенно после нападения гитлеровской Германии на СССР ситуация изменилась. «Деятельность фашистско-германских диверсионных групп на территории Ирана приобрела угрожающий характер», говорилось в советской ноте. Германские агенты «всячески стараются вызвать в Иране беспорядки и смуту, нарушить мирную жизнь иранского народа, восстановить Иран против СССР, вовлечь его в войну с СССР». Поэтому Советское правительство «не только вправе, но и обязано принять меры в целях самозащиты в точном соответствии со статьей 6 Договора 1921 года»³⁸.

С советской стороны для иранской экспедиции были выделены 44-я армия (командующий — генерал-майор А. А. Хадеев, штаб в Ленкорани) и 47-я армия (командующий — генерал-майор В. В. Новиков, штаб в Нахичевани) общей численностью 135 тыс. чел. Еще две армии (45-я и 46-я), имевшие 110 тыс. чел., прикрывали границу с Турцией. Все они входили в состав Закавказского фронта, образованного 23 августа на базе Закавказского военного округа (командующий — генерал-лейтенант Д. Т. Козлов). В походе участвовала также 53-я отдельная армия из Среднеазиатского военного округа (командующий — генерал-майор С. Г. Трофименко, штаб в Ашхабаде). План операции советских войск был разработан начальником штаба Закавказского фронта генерал-майором И. Ф. Тол-

бухиным. Общий замысел состоял в том, чтобы внезапным ударом лишить иранские войска способности сражаться, а в случае сопротивления — уничтожить их, не допуская отхода на юг.

25 августа советские войска из Закавказья вступили на территорию Ирана. Главный удар наносила 47-я армия, наступавшая на Тебриз. Её силы включали две горнострелковые дивизии, одну стрелковую и две танковые дивизии. 44-я армия, состоявшая из двух горнострелковых и одной кавалерийской дивизий и одного танкового полка, двигалась по прикаспийским территориям. 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия (стрелковый и кавалерийский корпуса и горнострелковая дивизия).

Первыми на рассвете 25 августа границу перешли небольшие маневренные группы, имевшие задачу атаковать пограничные заставы иранцев, перерезать линии связи, блокировать дороги. Для захвата мостов, тоннелей и других объектов были выброшены воздушные десанты. В иранские порты на Каспии вошли советские военные корабли, были высажены морские десанты.

Активно действовала советская авиация (522 самолёта), которая сначала наносила бомбовые удары, а потом сосредоточилась на ведении разведки. Так, гарнизон Решта, центра прикаспийской провинции Гилян, был частично уничтожен авиацией, а частично просто разбегался. Всего военно-воздушные силы сделали около 17 тыс. самолёто-вылетов, сбросив 7 тыс. бомб на военные объекты.

25 августа, со стороны Ирака, от Басры и Багдада, двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. Был уничтожен иранский военный флот. 29 августа в районе Сенендеджа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. По взаимной договоренности зона радиусом 100 км от Тегерана осталась незанятой.

27 августа правительство Али Мансура подало в отставку. Новое правительство во главе с известным учёным и литератором М. Форути отдало приказ своей армии не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких локальных стычек. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а на следующий день — перед Красной Армией.

Иранские вооруженные силы (по некоторым данным, около 200 тыс. чел., 300 самолётов, 150 танков, 400 орудий) оказались совершенно

неспособны к сопротивлению в силу крайне слабой боевой подготовки, технической оснащённости и морального состояния. Иранцы обычно или сразу сдавались в плен, или расходились по домам по команде своих офицеров, или просто разбежались, бросая оружие и снаряжение. Так, гарнизон города Пехлеви численностью 520 солдат и офицеров после короткой перестрелки был пленён советским разведотрядом из 45 чел. Быстрое и решительное совместное наступление советских и британских войск стало полной неожиданностью для иранцев. К тому же союзники продвигались во многих случаях по территориям, населённым национальными меньшинствами (азербайджанцами, курдами, армянами), которые были не слишком лояльны к шахскому режиму.

Пожалуй, главные сложности для союзников создавали не сопротивление иранских войск, а горно-пустынная местность и тяжёлый климат. Показательно, что для обеспечения продвижения советских войск были привлечены 11 инженерно-саперных батальонов и 31 отдельная инженерно-саперная и понтонно-мостовая роты.

Иранский поход выявил немало слабых мест в боевой подготовке и технической оснащённости Красной Армии. Явно не хватало боевого опыта, умения эксплуатировать и применять боевую технику. Были проблемы с разведкой, связью, снабжением. Не всегда удачно взаимодействовали различные рода войск. Но в целом именно в Иране удалось бить «врага» малой кровью на его территории.

Потери союзников были минимальными: с советской стороны — около 50 убитых и свыше 100 раненых, с британской — 22 убитых и 45 раненых. У иранцев потери были на порядок больше³⁹.

Местное население встречало советские войска по-разному. Простые люди нередко проявляли радость и энтузиазм, вплоть до призывов устанавливать советскую власть и делить имущество богатых и вступать в Красную Армию. Однако другая часть населения, особенно зажиточные слои, проявляла настороженность, а то и враждебность. Во многих местах торговцы закрывали свои лавки, что приводило к росту цен и ставило под угрозу снабжение населения. Распространялись различные антисоветские слухи и домыслы.

Советская сторона предпринимала усилия по налаживанию отношений с местным населением. Впрочем, были попытки оказать идеологическое воздействие и на советские войска.

В послании, полученном в Москве 30 августа, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно». И. В. Сталин ответил: «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно». И добавил: «Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»⁴⁰. Прозрачный намек на то, что главный враг — Германия, и пора союзным войскам «совместно» сразиться с ней.

8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Иранские власти, однако, тянули с выполнением требований союзников по высылке немцев и их агентуры. Более того, полуофициозная газета «Эттеляят» поместила статью, направленную против СССР и Англии, а затем эту статью передавали по радио. Эта публикация, по мнению советской стороны, «явилась открытой пронемецкой демонстрацией». Позднее иранские руководители признали, что статья была написана по указанию Реза-шаха⁴¹. В этих условиях было решено двинуть союзные войска к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрёкся от престола и затем покинул страну, передав власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви.

17 сентября советские и британские войска вошли в Тегеран. Официальные представители Германии, а также Италии, Румынии и Венгрии были высланы из страны. Отношения Ирана со странами «оси» были разорваны. В феврале 1942 года аналогичный шаг был предпринят в отношении вишисткой Франции, а в апреле — Японии.

29 января 1942 года был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Союзники обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана и защищать его от всякой агрессии со стороны Германии, а также оказывать ему экономическую помощь. СССР и Великобритания получили право содержать на иранской территории военные силы в необходимом количестве, а также неограниченное право использования любых средств коммуникаций по всему Ирану. Подчёркивалось, что ввод советских и британских войск «не представляет собой военной оккупации» и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации

и обычную жизнь страны. В свою очередь, Иран брал на себя обязательство сотрудничать с союзными государствами, чтобы они могли выполнить вышеуказанные обязательства. Не позднее 6 месяцев по окончании военных действий союзных государств с Германией, их войска должны были покинуть территорию Ирана⁴².

Ввод советских и британских войск в Иран стал первой совместной военно-политической акцией новых союзников — СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз (первый английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа) это стало зримым свидетельством складывания антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Появилась возможность обустроить транспортный «персидский коридор», по которому вскоре пошли союзнические поставки в СССР. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное союзникам государство — плацдарм для германской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. Это позволило впоследствии провести в Тегеране первую встречу «большой тройки».

Укрепились стратегические позиции стран формирующейся антигитлеровской коалиции. Англичане получили возможность действовать на всем пространстве от Ближнего Востока до Индии. Советский Союз был спокоен за свои южные рубежи.

Была обеспечена безопасность крупнейших нефтяных месторождений на Кавказе и в Иране, столь важных для обеих держав. Заводы Англо-иранской нефтяной компании обеспечивали топливом британские войска к востоку от Суэца, флот на Средиземном море и в Индийском океане и являлись единственными производителями авиационного топлива в регионе⁴³. В 1940 году Баку давал свыше 71%, а Грозный и Майкоп — свыше 24% общей добычи нефти в СССР⁴⁴.

Несмотря на неоднозначную первоначальную реакцию, для самого Ирана акция союзников дала позитивные результаты. Не став ареной боевых действий со странами «оси», он вошёл в антигитлеровскую коалицию (9 сентября 1943 года объявил войну Германии), обеспечив в итоге свою безопасность, территориальную целостность и суверенитет и получив статус страны-победителя во Второй мировой вой-

не. К тому же союзники оказали Ирану значительную материальную поддержку и коренным образом реконструировали его транспортную инфраструктуру для того, чтобы она могла обеспечивать поставки по ленд-лизу⁴⁵.

Пример Ирана оказал сдерживающее воздействие на Турцию и Афганистан. В октябре 1941 года из Кабула были высланы представители Германии и ее союзников.

Наконец, в тяжелейших условиях лета–осени 1941 года, когда Красная Армия с огромными потерями отходила вглубь страны, быстрый и практически бескровный успех иранского похода давал хоть какие-то позитивные эмоции для советских людей.

Конечно, успех первой совместной советско-британской операции не означал, что между союзниками не было никаких противоречий и трений, пусть даже скрытых за внешней дипломатической вежливостью. Видимо, сказывалась инерция многолетней борьбы за влияние в Иране. Да и восприятие британскими верхами СССР как союзника складывалось небыстро и непросто. Неслучайно У. Черчилль в мемуарах отмечал, что «более года после вступления России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем»⁴⁶.

Это столкновение интересов проявилось довольно скоро. Так, вводя свои войска в Иран, Москва хотела иметь плацдарм, который гарантировал бы сохранение и укрепление собственного влияния в соседней стране, не оставляя её под единоличным контролем союзника.

Судя по всему, англичане совсем не прочь были бы такой контроль установить. Произошло это в самый отчаянный момент только что начавшейся битвы за Москву. В первую декаду октября 1941 года под Вязьмой и Брянском было окружено и уничтожено несколько советских армий. В центральной части фронта образовалась брешь в 500 км. Казалось, что уже никто не остановит рванувшийся к советской столице вермахт. 12 октября У. Черчилль отправил И. В. Сталину послание, в котором он осторожно предлагал следующее: «Если Вам желательно отозвать имеющиеся там [в Персии] пять или шесть русских дивизий с тем, чтобы использовать их на боевом фронте, мы примем на себя полную ответственность по поддержанию порядка и содержанию в исправности и улучшению путей сообщения». Предупреждая возможные подозрения И. В. Сталина, У. Черчилль тут же торжественно заверил его: «Я обещаю именем Британии, что мы не будем стремиться

к каким-либо выгодам для себя за счёт каких-либо справедливых русских интересов как во время войны, так и по её окончании»⁴⁷.

Англичанам, видимо, так хотелось поскорее услышать желанный ответ на это предложение, что британский посол С. Криппс, будучи принят 13 октября наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, сразу же поинтересовался мнением советского правительства. По какому вопросу, удивился советский нарком, только-только получивший из рук британского дипломата вышеупомянутое послание У. Черчилля для передачи И. В. Сталину. С. Криппс пояснил. И неожиданно добавил еще одну фразу, то ли от себя, то ли выдав затаённое желание британского руководства вроде бы и союзнику подсобить, и самим в пекло не лезть. Он заявил, что «отвод советских войск из Ирана следует рассматривать как мероприятие, равносильное посылке английских войск» на помощь советскому фронту.

Ловко! Получается, что простое пребывание английских дивизий (вместо советских) в далёком от реальной войны Иране, где они страдали разве что от жары и пыли, это «мероприятие, равносильное» кровопролитным сражениям Красной Армии с беспощадным врагом.

Неизвестно, поперхнулся ли В. М. Молотов от такого сравнения, но сухая протокольная запись беседы свидетельствует только о том, что нарком сразу же чётко расставил всё по своим местам: отвод советских войск из Ирана и оказание английскими войсками помощи СССР против немцев — «это два различных вопроса». При этом он напомнил, что британское правительство так и не дало ответа на советское предложение о посылке английских войск на наш фронт⁴⁸.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз И. В. Сталин в своих посланиях У. Черчиллю не раз ставил вопрос об открытии второго фронта «как основного средства по улучшению нашего общего дела». Если создание второго фронта на Западе, по мнению английского правительства, в данный момент невозможно, то, «может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага». «Мне кажется, — писал Сталин 13 сентября 1941 года, — что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР...»⁴⁹.

Вот на эти конкретные предложения Лондон так и не ответил, ограничившись общим заверением о готовности изучить любую «форму действенной поддержки» Советского Союза или утверждая, что после победы над итало-германскими войсками в Ливии «мы будем иметь значительные силы, как воздушные, так и сухопутные, для совместных действий на южном фланге русского фронта»⁵⁰.

Но англичан никак не оставляла идея заменить советские войска в Иране своими и даже продвинуть их еще дальше на Кавказ. Получив ясный ответ В. М. Молотова на встрече 13 октября, С. Криппс, тем не менее, на следующей встрече 22 октября поставил вопрос теперь уже о вводе британских войск на Кавказ. Он отметил, что «посылка войск через Иран ввиду незначительного грузопотока, проходящего через эту страну, представляется вполне возможной». На это В. М. Молотов возразил, что «Кавказ не нуждается в защите, так как там нет фронта». Нарком добавил, что «если английское правительство хочет помочь СССР, то не надо дожидаться, пока немцы будут на Кавказе, а надо сделать это раньше»⁵¹.

Позднее, в послании, полученном в Москве 22 ноября, У. Черчилль сообщал И. В. Сталину о готовности командировать своего министра иностранных дел А. Идена в СССР для обсуждения любого вопроса, «включая посылку войск не только на Кавказ, но и на линию фронта Ваших армий на Юге. Ни наши судовые ресурсы, ни наши коммуникации не позволяют ввести в действие значительные силы, и даже при этом Вам придётся выбирать между войсками и поставками через Персию»⁵². При такой постановке вопроса выбрать пришлось, конечно, поставки. Тогда еще небольшой ручеек этих поставок вскоре должен был превратиться в настоящий поток, что для Советского союза было важнее, чем символическое присутствие английских войск на Кавказе или даже на фронте.

В итоге англичанам так и не удалось провести своё «мероприятие, равносильное» посылке британских войск на советско-германский фронт. Хотя советское командование осенью 1941 года из-за катастрофического положения на фронте отозвало часть своих сил из Ирана. Сначала на Северный Кавказ убыла 44-я армия, за ней последовали 47-я армия и несколько дивизий 53-й армии. Но северная часть Ирана по-прежнему оставалась под советским контролем. «Персидский коридор» функционировал

только для ленд-лизских поставок, но не для переброски британских войск.

В современной российской историографии высказывается сомнение в оправданности официальной советской версии о наличии реальной военной угрозы для СССР, исходившей от Ирана или с его территории. Главным политическим расчетом советского руководства называется «продолжение предвоенной сталинской политики расширения советских границ, „восстановления“ утраченных имперских рубежей»⁵³.

С этим утверждением трудно согласиться, по крайней мере, пока не будут найдены соответствующие архивные материалы.

Во-первых, едва ли в августе 1941 года мотив расширения границ мог быть «главным» для советского руководства. Об «имперских рубежах» ли оно думало, когда немецко-фашистские войска были уже под Ленинградом, взяли Смоленск, дошли на Украине до Днепра и рвались еще дальше вглубь страны? Речь тогда шла прежде всего о выживании советского государства и советского народа. Все действия Москвы в тот момент были обусловлены именно этим обстоятельством.

Конечно, у И. В. Сталина, как уже отмечалось, вполне могли быть мысли о том, что, войдя в северный Иран, можно было бы там и остаться, закрепив эти территории в советской сфере влияния. Речь могла идти прежде всего о южном Азербайджане с центром в Тебризе⁵⁴. Не случайно, как уже говорилось, И. В. Сталин не откликнулся на предложение У. Черчилля заманить в Иране советские войска английскими. Но, подчеркнём, «главными» эти соображения никак не могли быть. Едва ли И. В. Сталин ради подобных гипотетических планов выделил бы на иранскую операцию три общевойсковые армии, а если считать оставшиеся в Закавказье войска, то пять армий при столь отчаянном положении на советско-германском фронте.

Во-вторых, сторонники вышеуказанной точки зрения не обращают внимания на другой (помимо германской «пятой колонны»), даже более важный в долгосрочной перспективе мотив действий союзников — необходимость обеспечить военный транзит в СССР через иранскую территорию. В этом была самая что ни на есть живейшая потребность, в тот момент гораздо более значимая, чем предполагаемое закрепление южного Азербайджана под советским контролем.

В-третьих, если прогерманские силы до 25 августа не смогли совершить государствен-

ный переворот, то не было никакой гарантии, что они не смогут этого сделать в будущем. Даже если сведения о численности немцев и их агентов в Иране, приводившиеся союзниками, были преувеличены, несомненно, что сторонников Германии в стране было вполне достаточно для такой попытки. Причем их число должно было расти по мере военных успехов Германии и приближении фронта к Ирану. В случае успеха переворота угроза с юга для СССР стала бы более чем реальной. Гитлер требовал от Реза-шаха вступить в войну на стороне Германии и ставил вопрос о передаче люфтваффе иранских авиабаз, к строительству которых немецкие специалисты имели прямое отношение⁵⁵. Если немецкая авиация весной–летом 1941 года действовала в Сирии и Ираке, она вполне могла оказаться и в Иране при прогерманском режиме.

В-четвертых, германские вооруженные силы могли появиться около Ирана или даже на его территории. Собственно, они уже только что были совсем рядом, в Ираке и Сирии, и вполне могли вернуться при изменении военно-стратегической ситуации на Североафриканском и Средиземноморском театрах военных действий. В 1941–1942 годах не раз возникала угроза прорыва германо-итальянских войск к Суэцкому каналу и дальше в Юго-Западную Азию. Кто мог гарантировать, что это не произойдет?

В-пятых, своевременность и обоснованность ввода советских и британских войск в Иран с точки зрения борьбы с фашизмом подтвердили и события 1942 года на советско-германском фронте. Через год после советско-британской акции в отношении Ирана немецко-фашистские армии вышли к Главному Кавказскому хребту. Возникла угроза прорыва гитлеровцев в Закавказье, а оттуда до Ирана рукой подать. В этой обстановке контроль за ситуацией в этой стране и бесперебойные поставки в Советский Союз из США и Великобритании по южному направлению были чрезвычайно важны.

Невольно даже У. Черчилль по сути подтвердил, что дело было отнюдь не в советских имперских амбициях. В своих мемуарах он тоже почему-то говорил о необходимости «главным образом» добиваться открытия коммуникации от Персидского залива до Каспийского моря и изгнания всех немцев из Ирана. И только «на втором плане, — по мнению британского премьера, — стояли глубокие и щекотливые вопросы о нефти, коммунизме и послевоенном будущем Персии...»⁵⁶.

Летом–осенью 1942 года, как и в первые месяцы Великой Отечественной войны, судьба СССР, а по большому счету — и антигитлеровской коалиции в целом, висела на волоске. Собравшись с силами после поражения под Москвой, вермахт в мае нанёс крупные поражения Красной Армии под Харьковом и в Крыму. В июне немцы развернули новое мощное наступление на южном фланге советско-германского фронта, имея главной целью захват Сталинграда и Кавказа.

Согласно директиве ОКВ № 45 от 23 июля 1942 года под условным наименованием «Эдельвейс» замысел операции по захвату Кавказа состоял в том, чтобы окружить и уничтожить советские войска южнее и юго-восточнее Ростова и овладеть Северным Кавказом. Затем предполагалось по берегам Чёрного и Каспийского морей обойти Главный Кавказский хребет, одновременно прорываясь через горы по перевалам с севера.

25 июля 1942 года началась битва за Кавказ, оборонительная фаза которой продолжалась до конца декабря⁵⁷. В этот день немецко-фашистские войска перешли в наступление с рубежа реки Дон в южном направлении. Хотя окружить и уничтожить советские силы между Доном и Кубанью не удалось, но к 17 августа немцы дошли до северо-западных предгорий Большого Кавказского хребта, захватив Ворошиловск (совр. Ставрополь), Армавир, Краснодар, Майкоп. 21 августа немецкие альпийские стрелки подняли красно-чёрный флаг со свастикой над Эльбрусом. Было захвачено несколько перевалов, и гитлеровцы уже готовы были ринуться вниз, на юг, в Закавказье. Но сил им уже не хватало. Часть своих войска немецкое командование вынуждено было перенацелить с Кавказа на Волгу, где разыгралось грандиозное Сталинградское сражение.

Впрочем, Гитлер в это время еще был полон оптимистических планов. 18 сентября он заявил относительно обстановки на Кавказе: «Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю»⁵⁸. Но ничего этого добиться гитлеровцам не удалось. В частности, потерпели неудачу попытки немецко-фашистских войска продвинуться через Орджоникидзе (совр. Владикавказ) и Грозный в направлении к Махачкале и Баку и выйти Каспийскому морю. В ходе Нальчикской оборонительной операции (25 октября — 12 ноября 1942 года) их ударные части были остановлены.

Продвижение вермахта к Каспийскому морю грозило перерезать очень важную транспортную артерию, которая, помимо морского пути, соединяла Баку с остальной страной. После захвата немцами Ростова традиционный железнодорожный маршрут на Баку был оборван. Тогда советская сторона в январе-августе 1942 года построила вдоль каспийского побережья железнодорожную ветку Кизляр — Астрахань. Благодаря ей поток ленд-лизовских грузов из Ирана и нефти из Азербайджана устремился к Астрахани и далее к Сталинграду и в другие районы страны.

Немцы неоднократно доходили до этой дороги. Так, один из разведывательных дозоров боевой группы германских войска, наступавшей по северному берегу реки Терек, сумел выйти к развилке железных дорог в 25 км северо-восточнее Грозного. Хотя советских войска в этом районе почти не было, но всё же гитлеровцам прервать железнодорожное сообщение между Кизляром и Астраханью не удалось⁵⁹.

Сходная ситуация была и в Калмыкии. Там сплошной линии фронта практически не было. В пустынно-степной местности у немцев действовали лишь отдельные мобильные группы. Именно они в какой-то момент ближе всего подошли низовью Волги и к берегу моря. Как отмечал известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт, «хотя немецкие подвижные отряды прорывались к побережью Каспийского моря, оно так и осталось для них «миражом в пустыне»⁶⁰. В Калмыкии немцы также добивались до железной дороги Кизляр — Астрахань, но опять-таки перерезать её не смогли. Во многом это объяснялось тем, что дорога строилась как можно быстрее, без насыпного полотна, рельсы укладывали прямо на землю. Поэтому русские могли положить новые секции взамен уничтоженных, и движение поездов возобновлялось⁶¹.

Когда вермахт вышел на подступы к Каспию, гитлеровское командование приступило к планированию операций на самом большом в мире озере. Главный штаб ВМС Германии получил указание готовить лёгкие силы для действий на коммуникациях Каспия⁶². Державы «оси» могли воспользоваться для этого своим военно-морским потенциалом на Черном море.

Согласно международной конвенции, подписанной в 1936 году в Монре, во время войны Турция не должна была пропускать военные корабли воюющих держав через Черноморские проливы. Хотя иногда возникали подозрения,

что это положение нарушается, но всё же после 22 июня 1941 года в акватории этого моря крупные боевые корабли Германии и Италии так и не появились. Немцы могли только провести по Дунаю или перебросить по железной дороге или по шоссе на трейлере небольшие корабли, типа подводных лодок, сторожевиков, охотников, тральщиков, торпедных катеров, самоходных барж. При необходимости их перевозили в разобранном виде и собирали, например, в Констанце, в фашистской Румынии (сам румынский флот никакой боевой ценности не представлял).

14 января 1942 года было подписано соглашение, по которому «легкие итальянские силы» привлекались к содействию германским ВМС на Черном море (и на Ладоге). В мае–июне итальянские сверхмалые подводные лодки, торпедные катера, сверхмалые торпедные катера, взрывающиеся катера прибыли в Крым. Базируясь в Ялте, Форосе, а затем в Севастополе, Феодосии, все они, кроме взрывающихся катеров, принимали участие в боевых операциях против советского ВМФ⁶³.

Летом военно-морские силы стран «оси» стали готовить к действиям в новом районе, на Каспии. На румынских верфях было построено несколько небольших деревянных минных заградителей, которые можно было по частям перевозить на автомобилях. В Махачкале предполагалось собрать 12–20 паромов «Зибель» и 20–25 быстроходных десантных барж⁶⁴. 23 сентября автоколонна с итальянскими сверхмалыми торпедными катерами и взрывающимися катерами была отправлена из Ялты в Мариуполь на Азовском море.

Об этих приготовлениях стало известно англичанам, которые уже давно расшифровывали секретные немецкие сообщения. У Черчилль тут же предупредил И. В. Сталина. В его послании от 30 сентября говорилось: «Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махач-Калу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии». Впрочем, уже 9 октября британский премьер-министр сообщил, что, как показывали последние сведения,

«осуществление германских планов отправки судов на Каспийское море по железной дороге приостановлено»⁶⁵.

Действительно, ехать-то было некуда. В октябре–ноябре наступательный порыв вермахта на Кавказе иссяк. Итальянские моряки на несколько месяцев застряли в Приазовье. По воспоминаниям, в Мариуполе они, помимо приведения в порядок матчасти, коротали время за чисткой кукурузных початков, набранных на окрестных полях, и ночной охотой на зайцев. В марте 1943 года несостоявшиеся «каспийцы» вернулись в Италию. В мае была расформирована действовавшая на Чёрном море итальянская флотилия торпедных катеров, личный состав отправлен на родину, а катера перешли к немцам, от них — к румынам (уцелевшие катера будут затоплены в августе 1944 года в Констанце). Итальянские сверхмалые подводные лодки в сентябре–октябре 1943 года были переданы румынам, которые так и не научились ими пользоваться. В августе 1944 года они были захвачены советскими войсками в Констанце⁶⁶. Так бесславно закончилась, по сути не начавшись, «каспийская эпопея» итальянского (и германского) флота.

Победа Красной Армии над вермахтом в величайшей Сталинградской битве ознаменовала начало периода коренного перелома во Второй мировой войне. Наряду с прочими, рухнули планы гитлеровцев разрубить коммуникации союзников на Каспии и вторгнуться с севера в Иран.

Не сумели немецко-фашистские войска прорваться в Иран и Закавказье и с юго-западного направления, из Северной Африки. Хотя в какой-то момент такая угроза стала вырисовываться. Удачная операция англичан «Крусейдер» (18 ноября 1941 года — 6 января 1942 года), сменилась новым наступлением Э. Роммеля, начатым 21 января 1942 года. Летом, когда немцы взяли Тобрук и вновь вторглись в Египет, повторно возникла угроза прорыва германо-итальянских войск к Суэцкому каналу. Победа британцев в битве у Эль-Аламейна (23 октября — 4 ноября 1942 года) вместе с высадкой англо-американских войск в Марокко и Алжире предопределили скорую ликвидацию североафриканского театра военных действий. Войска стран «оси» были разбиты и 11 мая 1943 года капитулировали в Тунисе. Безопасность «персидского коридора» теперь была гарантирована с обоих потенциально опасных направлений: и с севера, и с юго-запада.

Добившись военными и политическими мерами беспрепятственного транзита ленд-лизских грузов через Иран, союзникам надо было обеспечить ещё и организационно-техническую сторону дела. Речь шла прежде всего о создании такой транспортной инфраструктуры и условий для её бесперебойного функционирования, которые обеспечили бы всё возрастающие масштабные поставки в Советский Союз через Персидский залив, Иран и Каспий.

Ответственность за реорганизацию транспортной инфраструктуры поначалу взяли на себя англичане. У. Черчилль в своих посланиях И. В. Сталину постоянно подчёркивал, что он придавал решению этой задачи первостепенное значение. В письме, полученном в Москве 30 августа, говорилось: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в ещё большей степени стремление установить ещё один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить её бесперебойную работу, используя дополнительной железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии».

Через неделю У. Черчилль сообщал: «Мы уже отдали приказы о снабжении персидской железной дороги подвижным составом с тем, чтобы поднять её нынешнюю пропускную способность с двух поездов в каждую сторону в сутки до её полной пропускной способности, а именно до двенадцати поездов в каждую сторону в сутки. Это будет достигнуто к весте 1942 года... Паровозы и вагоны из Англии будут посылаться вокруг мыса Доброй Надежды после переоборудования их на нефтяное топливо... Первые 48 паровозов и 400 вагонов вот-вот должны быть отправлены».

Ещё через пару недель британский премьер отмечал: «Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями»⁶⁷.

На ту же тему У. Черчилль писал Ф. Рузвельту 1 сентября 1941 года: «Хорошие результаты, которые были так легко достигнуты в Персии, привели нас к контакту с русскими, и мы предлагаем проложить вторые пути или по меньшей мере значительно усовершенствовать железную

дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и таким образом открыть надёжный путь, по которому долгосрочные материалы смогут достичь резервных позиций в районе Волги»⁶⁸.

Англичане немало сделали для налаживания поставок. Но всё же их масштабы были явно недостаточны. Великобритании не хватало людских и материальных ресурсов, тем более, что их приходилось распределять по всему Ближнему Востоку. Порты Басры и Абадана, наиболее подготовленные к приему большого количества грузов, британцы использовали прежде всего для снабжения своих войск, а также для вывоза нефти.

Между тем летом 1942 года вопрос о ленд-лизе для СССР приобрел особое военное и политическое значение. Отношения между союзниками крайне осложнились из-за отказа англосаксов открыть второй фронт в Европе в этом году. Для Советского Союза, который с огромным трудом сдерживал рвавшийся к Сталинграду и на Кавказ вермахт, это было тяжёлым ударом.

Одновременно возник дополнительный фактор, раздражающий межсоюзнические отношения — фактическое прекращение поставок по ленд-лизу северным, арктическим маршрутом. Отступавшая Красная Армия несла громадные потери, и их надо было как-то восполнять. Советская промышленность работала с величайшим напряжением. Военное производство в начале войны падало и только с весны 1942 года стало расти. Самые развитые территории на западе страны были захвачены врагом, а эвакуированные предприятия только-только разворачивались на новых местах. В этот момент очень к месту была бы помощь западных союзников по ленд-лизу.

Через арктические моря пролегал самый короткий и быстрый путь доставки вооружений и других стратегических материалов в СССР. С начала войны союзники переправили по нему 964 тыс. тонн военных материалов — 61% всех грузов, ввезённые в Советский Союз из-за рубежа⁶⁹. Гитлеровцы, уверенные в своей скорой победе, одно время не обращали на это внимание. Ситуация изменилась в начале 1942 года, когда после битвы под Москвой стало ясно, что война затягивается. Немцы перебазировали на север Норвегии свой самый мощный линкор «Тирпиц», другие тяжёлые корабли, подводные лодки, авиацию. Союзные конвои, особенно с наступлением полярного дня, стали подвергаться массированным атакам и нести потери.

Если с августа 1941 года до конца марта 1942 года из 110 транспортных судов было потоплено 1, то в мае было потеряно уже 9 судов из 57⁷⁰.

В конце июня — начале июля произошла известная история с конвоем PQ-17, который был по существу брошен на произвол судьбы британским эскортом. Из 33 судов до советских портов не дошло 22, потопленных немецкими подлодками и самолётами. Вдобавок пострадал и обратный конвой QR-13. Из-за навигационной ошибки он наскочил на английское минное поле у берегов Исландии и потерял 5 транспортов. Под предлогом большого урона англичане прекратили отправку конвоев. Нашёлся и ещё один повод — необходимость сосредоточить транспортные суда для высадки англо-американских войск в Северной Африке. Отправив в сентябре конвой PQ-18, Лондон снова прекратил поставки через Арктику до наступления полярной ночи. С учётом того, что тихоокеанский маршрут ещё не развернулся в полном масштабе, а перегон самолётов по трассе Аляска-Сибирь только налаживался, картина военно-экономической помощи союзников СССР складывалась удручающая.

В послании И. В. Сталина британскому премьеру от 23 июля говорилось: «...Я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путём»⁷¹. Когда в августе У. Черчилль приехал в Москву, Сталин И. В., выразив ему благодарность за помощь по ленд-лизу, тем не менее снова предъявил претензии относительно того, что западные союзники не выполняют в полном объеме свои обязательства по поставкам, «дают не то, что обещано»⁷².

Союзники и сами почувствовали необходимость форсировать работы в зоне Персидского залива для резкого увеличения поставок в СССР. Ответственность за организацию грузопотоков в Советский Союз взяли на себя Соединённые Штаты. Принципиальное решение об этом было принято Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в июле. Но потребовалось ещё два месяца, чтобы его доработать и начать реализовывать⁷³. Американцы, обладая гораздо большими ресурсами и возможностями, чем англичане, с присущими им энергией и деловой хваткой принялись за рабо-

ту. Руководила этой деятельностью специально созданная Команда обслуживания Персидского залива (Persian Gulf Service Command) со штаб-квартирой в Басре⁷⁴.

Англичане, а затем и американцы не могли поначалу использовать иранскую территорию для масштабной помощи Советскому Союзу из-за слабости транспортной инфраструктуры страны. Одно из её ключевых звеньев — Транс-иранская железная дорога. Она была построена в 1927–1938 годах и тянулась от порта Бендер-Шах (совр. Бендер-Торкеман) на Каспийском море через Тегеран до порта Бендер-Шахпур (совр. Бендер-Хомейни) в Персидском заливе. Проложена дорога была по местностям с очень сложным рельефом. Трасса длиной 1394 км имела около 230 тоннелей, 4100 мостов, и поднималась на максимальную высоту 2200 м над уровнем моря. Затяжные крутые подъемы и спуски, длинные тоннели, в которых паровозные команды задыхались от дыма, нехватка воды по пути следования — всё это предъявляло особые требования к технике и людям, которые её использовали. Уложенные на ряде участков относительно лёгкие рельсы ограничивали нагрузку на железнодорожный путь. В некоторых случаях эксплуатационные возможности дороги были столь ограничены, что требовалось прокладывать обходные или альтернативные пути.

Под руководством западных инженеров началась реконструкция железных дорог, поставка локомотивов и вагонов и всего необходимого оборудования. Осуществлялось строительство автодорог, идущих с юга на север страны.

Расширять надо было порты в Персидском заливе и на Каспии. Так, например, Бушир по большому счёту и портом назвать было трудно. Там не было ни причалов, ни подъездных путей, ни кранов, только таможенные пункты, почта, телеграф, небольшие автомастерские и узкоколейка, соединяющая мол со складом. Из-за мелководья суда вынуждены были бросать якорь в 10–12 милях от берега, а грузы переправляли на берег на парусниках. Вдобавок в Бушире не было питьевой воды, и её доставляли на кораблях из Басры или даже из Бомбея и Карачи. Население города испытывало страшный голод и питалось в основном саранчой⁷⁵.

Многие другие порты также нуждались в масштабной реконструкции. Некоторые из них были расположены на реке Шатт-эль-Араб, разделяющей Иран и Ирак. Эта река образуется от слияния Тигра и Евфрата и впадает в Персид-

ский залив. Она настолько полноводна, что по ней могли подниматься вверх океанские суда.

Рядом с Абаданом на иранском берегу находился другой порт — Хорремшехр, связанный с Тегераном железной дорогой и плохой щебёночной шоссейной дорогой. В декабре 1941 года рядом с ним англичане стали строить новую пристань Сентаб. Через год там появились американцы, и уже в мае 1943 года там была пристань с семью причалами, от которых к берегу шли шестикилометровые эстакады с железнодорожными и автомобильными путями. В Хорремшехре был возведен крупный автосборочный завод.

На той же реке Шатт-эль-Араб, но на иракском берегу располагался крупный порт Басра. Он стал важным перевалочным пунктом для ленд-лизовских поставок в СССР. По сути это была целая система портов, которая включала также порты Маргил, Танума, Чейбасси, Ашар.

На юго-западе Ирана на берегу Персидского залива находился порт Бендер-Шахпур. Располагался он на острове в заливе Хор-Муса. Здесь разгрузка судов первоначально возможна была только на железнодорожный путь, который шёл от пристани по эстакаде до острова, дальше пересекал его по насыпи и потом уходил к материку по мелководью залива. Англичане и американцы построили здесь новый пирс, причалы, железнодорожные пути, 10 крытых складов и т. п. Пропускная способность этого порта скакнула с 200 до 5000 тонн в сутки.

Перестраивать пришлось и порты на Каспийском море. Но их реконструкция проводилась не англичанами и американцами, а силами Наркомфлота СССР и других советских организаций. В юго-восточной части побережья в Горганском заливе располагался порт Бендер-Шах. Так, с марта по ноябрь 1942 года там были возведены два причала в дополнении к имевшимся двум, укреплен пирс, углублены подходы к пирсу и прорыт глубокий 15-километровый канал для выхода в открытое море, проложены железнодорожные пути и шоссейная дорога от порта до города. Реконструкция продолжалась в 1943–1944 годах. В итоге там вырос современный порт с двумя нефтепричалами, двумя бензоэстакадами, разветвленной сетью подъездных путей, электростанцией, жилым городком и многими другими сооружениями.

В порту Пехлеви (совр. Энзели) на юго-западном берегу Каспия был расчищен и углублён канал, возведен дополнительный причал, уложена узкоколейка, смонтированы привезённые из

Баку механизмы, построены склады. В Ноушехре на южном берегу Каспийского моря пришлось углублять подходы к порту, устанавливать краны и другие механизмы, доставленные из Советского Союза. Особой осторожности требовали транспортировка в СССР высокооктанового бензина и пороха.

Необходимо было не только реконструировать порты, но и наладить их бесперебойную деятельность. Как вспоминал Л. И. Зорин, направленный в Иран Наркомвнешторгом СССР для руководства с советской стороны всеми операциями по транспортировке ленд-лизовских грузов, работа порта Бушир была организована следующим образом. «К борту парохода подходили большие парусники с местными грузчиками. На эти парусники с помощью механизмов парохода перегружали из трюмов тяжёлые ящики. Затем парусники доставляли ящики к берегу через узкий, ограждённый сигналами фарватер. Нередко — во время приливов и отливов, из-за перегрузки, в штормовую погоду — ящики падали в воду и тонули.

Ящики с полусобранными на автозаводах автомобилями выгружались на таможенном дворе и по специально проложенной узкоколейной дороге доставлялись на место сборки, которая производилась вручную. Качество сборки было весьма низким, многие машины нуждались в переделке, т. к. собирали их неквалифицированные рабочие».

Л. И. Зорин подметил и такую любопытную деталь: «американцы не считали нужным возиться с неисправными машинами даже в том случае, если дефект был незначительным. Они просто выбрасывали их на свалку. Возле Андимешка [с автосборочным заводом] образовалось кладбище таких машин. Американцы удивлялись нашему требованию непременно иметь 17 процентов запасных частей, которые им были ни к чему». Видя такое расточительство, советские специалисты взялись восстанавливать даже те машины, которые казались абсолютно безнадежными. Это позволило свести к минимуму потери грузовиков»⁷⁶.

Большие трудности были связаны с обеспечением всех объектов рабочей силой. Помимо британского, американского и советского персонала, приходилось привлекать значительное количество местных жителей. Например, они занимались разгрузкой судов. При нищенской зарплате типичный обед грузчика состоял из лаваша, нескольких фиников и речной воды.

«При таких „харчах“, — отмечал Л. И. Зорин, — разгрузка пароходов шла очень медленно и вяло. Нередко полуголодные и исхудавшие грузчики, забираясь в укромные закоулки, на короткое время засыпали смертельным сном»⁷⁷.

Для облегчения и ускорения поставок транспортных средств в СССР, возводились авиа- и автосборочные предприятия: в Абадане, Андимешке, Хорремшахре и др. Работа на этих заводах, расположенных на юге Ирана или в Ираке, требовала максимальной отдачи от местных рабочих, от американских и английских инженеров, от советских лётчиков и сотрудников приёмных комиссий. Трудиться приходилось с 3–4 часов до 11 часов утра. Позднее металл раскалялся настолько, что можно было получить ожоги.

Собранные самолёты с советскими экипажами из специальных перегонных полков перелетали на советскую территорию. Автомашин (в основном этим это были «студебекеры») своим ходом шли к советской границе. Для их перегонки советских автомобильных частей и гражданских шофёров явно не хватало. Ведь каждый водитель мог не чаще одного раза в месяц совершить двухтысячекилометровый рейс из портов Персидского залива до границ СССР. Пришлось в спешном порядке готовить местные кадры.

Перегонка автомобилей (как правило, с полным кузовом грузов) осуществлялась в очень сложных климатических и природных условиях. Узкие горные дороги со слепыми поворотами, раскалённые пустыни с пыльными бурями, жара и непогода, — всё это приходилось преодолевать советским и местным водителям. Не мудрено, что на этом опасном и долгом маршруте осталось немало их могил.

Транспорты надо было охранять не только от бандитов и воров, но и от мятежных племён, которые не подчинялись центральному правительству, да к тому же могли быть подкуплены немецкими агентами.

Минусом Трансиранского маршрута была затрата очень большого времени для его преодоления. Суда с Восточного побережья США вокруг Африки шли до портов Персидского залива около 75 дней. Это срок удалось сократить только после того, как в 1943 году из войны вышла Италия и появилась возможность идти не вокруг Африки, а через Средиземное море.

Для переброски самолётов был налажен трансафриканский маршрут. Американцы вслед за англичанами стали летать из США с промежуточной посадкой на британских базах в Вест-Ин-

дии или на аэродромах северо-востока Бразилии (Белем, Натал). Затем путь шёл через Атлантику до британских (с конца 1942 года и французских) владений в Западной Африке, отсюда в Хартум и далее в Каир и по всему Ближнему Востоку. Позднее маршрут был продлен в Индию и на Дальний Восток. После открытия авиабазы на острове Вознесения (июль 1942 года) летать через Атлантику могли не только 4-моторные, но и 2-моторные самолёты. Истребители везли в разобранном виде на судах и собирали на заводе в Такоради (Золотой Берег/Гана), откуда они шли над Африкой своим ходом.

Американцы развернули на этом маршруте всю необходимую инфраструктуру: наладили навигацию, радиосвязь и метеослужбу, построили взлетно-посадочные полосы с твёрдым покрытием, ангары, ремонтные и сборочные заводы и др. Это был самый быстрый путь поставок вооружений по воздуху из США в Азию, Европу и Африку. Тем более, что зимой летать через Северную Атлантику было практически невозможно, и путь через Бразилию и Западную Африку приобретал особое значение.

Одно из продолжений трансафриканского маршрута пошло через Персидский залив и Иран в Советский Союз⁷⁸.

Несмотря на все усилия союзников, пропускная способность «персидского коридора» поначалу росла не теми темпами, как хотелось бы. В августе 1941 года она составляла всего 10 тысяч тонн грузов в месяц. В сентябре 1942 года объем поставок вырос до 40 тысяч тонн грузов, в январе 1943 года — до 51 тысячи тонн. Резкий рост перевозок будет отмечен уже в 1943 году⁷⁹.

Пройдя через территорию Ирана, грузы далее поступали в советское Закавказье или — в меньшей степени — в Среднюю Азию. Значительная часть доставлялась на советскую территорию морским путем по Каспийскому морю. Советскому военному и морскому флоту надо было обеспечить воинские, пассажирские, народнохозяйственные перевозки. Первые месяцы войны это еще как-то удавалось, но поток перевозимых войск, беженцев, эвакуируемых материальных ценностей всё нарастал. Уже к сентябрю 1941 года пришлось задействовать все наличные плавсредства. Доки и судоремонтные заводы перешли на круглосуточную работу, чтобы обеспечить функционирование флота и вернуть в строй списанные суда. Но когда в октябре через Иран пошёл поток грузов по ленд-лизу, ситуация осложнилась до предела.

Пришлось изыскивать новые способы увеличения грузоперевозок. Например, для ускорения перегрузки танков с железнодорожных платформ на суда стали выкладывать специальные настилы из шпал и рельсов, по которым танки своим ходом перемещались с платформы на палубу. Так получалось быстрее, чем при использовании плавучего крана. Чтобы танки можно было грузить не только на палубу, но и в трюмы, расширили люки. Чтобы не терять лишнего места — вырезали отверстия в цепных ящиках, и танки вставали вплотную к переборкам.

Потребовалась реконструкция и расширение советских портов под ленд-лизские грузы. Так было, в частности, в Баку, Астрахани, Гурьеве.

Зимой 1941–1942 годов на севере Каспия впервые пришлось проводить навигацию в ледовых условиях. Ждать благоприятной погоды было некогда.

Весной–летом 1942 года пришлось отвлекать тоннаж на неожиданно возникшую потребность перебросить через Каспий польскую армию генерала В. Андерса из Советского Союза в Иран. Эта армия в соответствии с советско-польским соглашением формировалась на территории СССР и должна была вступить в боевые действия на советско-германском фронте. Но поляки под всяческими предложениями уклонялись от этого своего обязательства, добившись при активной поддержке англичан согласия Москвы на свой уход. В итоге через Красноводск в Иран было эвакуировано около 70 тысяч польских военнослужащих и примерно 38 тысяч членов их семей.

Но все эти трудности показались мелочью, когда дельта Волги и северная часть Каспия стали подвергаться налётам вражеской авиации.

В ночь на 20 июня 1942 года над устьем Волги появился первый немецкий бомбардировщик. Начались бомбардировки и минирование акваторий. Особенно ожесточённым атакам подвергался астраханский рейд, где происходила перегрузка с морских судов на речные (в августе–ноябре — более 200 налётов). С 8 августа Каспийская военная флотилия была объявлена действующей. Для прикрытия перевозок ей пришлось сосредоточить в северной части моря практически весь свой корабельный состав. Тем не менее советская сторона несла потери. За навигацию 1942 года 46 судов каспийского торгового флота были атакованы самолётами противника, 14 из них погибли⁸⁰.

В 1941–1942 годах «персидский коридор», объединив морские, воздушные и сухопутные пути ленд-лизовских поставок в СССР, сыграл важную роль в налаживании военно-экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции. Он стал одним из важнейших маршрутов поставок по ленд-лизу из США и Великобритании в Советский Союз. Если в 1941 году его доля составила всего 3,7%, то в 1942 году поднялась до 28,8%, а в 1943 году до 33,5%. Всего за годы войны этим путем было перевезено 23,8% грузов. Масштабнее были только поставки через Тихий океан (47,1%)⁸¹.

...Немецкий адмирал на Каспийском море ни в 1942 году, ни позднее так и не появился. Зато в 1945 году появился советский комендант Берлина. Это стало результатом боевого союза государств антигитлеровской коалиции. Ярким проявлением их сотрудничества было создание и функционирование «персидского коридора» для ленд-лизовских поставок в страну, армия которой взяла Берлин.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., Политиздат, 1976. С. 84 (далее: Переписка...).

² Гланц Д., Хадс Д. Битва титанов. Как Красная Армия остановила Гитлера. М., Издательство Астрель; АСТ; 2007. С. 138.

³ Bellamy C. Absolute War. Soviet Russia in the Second World War: a modern history. Pan Books, 2007. P. 503–504.

⁴ Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943/пер. с нем. М., Эксмо, 2005. <http://needlib.com/bibl/index.php?page=4&ld=59926>

⁵ См.: Стрелянов П. Н. (Колобухов). Казаки в Персии. 1909–1918. М., ЗАО Центрполиграф, 2007; Шишов А. В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М., Вече, 2010.

⁶ См.: Мамедова М. Н., Дунаева Е. В., Оришев А. Б. Советский Союз и Иран (1933–1945). В кн.: СССР и страны Востока накануне и в годы второй мировой войны/отв. редактор В. В. Наумкин. М., Институт востоковедения РАН, 2010. С. 277–278 (далее: СССР и страны Востока...); Широкоград А. Б. Каспий — русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 250–256.

⁷ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. От Сталинграда до Берлина. М., АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 27–28.

- ⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. 1941–1945 годы. М., Международные отношения, 2003. С. 326.
- ⁹ См.: Оришев А. Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М.; 2009; Его же. В августе 1941-го. М., 2011.
- ¹⁰ СССР и страны Востока... С. 278–280.
- ¹¹ Oxford Companion to the Second World War. by Oxford University Press, 2005. P. 682.
- ¹² См., например: СССР и страны Востока...; Оришев А. Б. Иранский узел.; Его же. В августе 1941-го.
- ¹³ См.: Дашичев В. И. Банкротство стратеги германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 42–49, 235–241. Gilbert M. A History of the Twentieth Century. Volume Two: 1933–1951. N. Y., 1998. P. 376.
- ¹⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 327.
- ¹⁵ Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005. С. 208, 215, 220.
- ¹⁶ Оришев А. Б. В августе 1941-го. С. 72.
- ¹⁷ Рашид Али бежал в Иран вместе с германским и итальянским посланниками и иерусалимским муфтием. Потом он перебрался в Германию, где стал ведущим арабским коллаборационистом и пропагандистом нацизма.
- ¹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3: Великий союз. М., 2010. С. 163–167; де Голль, Ш. Военные мемуары. Призыв 1940–1942 годы. М., 1957. С. 195–236.
- ¹⁹ В 1941 году бригада держала оборону в ливийском Тобруке. Впоследствии вместе с ушедшей в 1942 году из СССР польской армией генерала В. Андерса она была переформирована и вошла в состав 2-го польского корпуса, воевавшего в Италии.
- ²⁰ Вторая мировая война. Нападения Японии: Иллюстрированная история/пер. с англ. М., 2007. С. 114.
- ²¹ Черчилль У. Указ. соч. С. 182.
- ²² СССР и страны Востока... С. 283
- ²³ Черчилль У. Указ. соч. С. 244.
- ²⁴ Переписка... С. 40.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. Том 24. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., Международные отношения, 2000. С. 10, 14.
- ²⁶ Там же. С. 48, 63.
- ²⁷ Там же. С. 61
- ²⁸ Там же. С. 122–123, 132 и др.
- ²⁹ Там же. С. 86–87, 116, 227.
- ³⁰ Там же. С. 576.
- ³¹ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 99–100.
- ³² Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы второй мировой войны. Киров; 2011. С. 68–84.
- ³³ Там же. С. 128, 227.
- ³⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 246.
- ³⁵ Hastings Max. *Finest Years. Churchill as Warlord 1940–1945*. L., Harpers Press, 2010. P. 162. О правовой оценке советско-британской акции см.: Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Указ. соч. С. 68–84.
- ³⁶ Оришев А. Б. В августе 41-го. С. 115.
- ³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., Политиздат, 1959. С. 538–539.
- ³⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942... С. 256–260.
- ³⁹ О военном аспекте рассматриваемых событий см.: Голуб Ю. Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4; Его же. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе–сентябре 1941 г <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Любин Д. М. Ввод Красной Армии в Иран летом–осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия. Дисс... канд. ист. наук. Саратов. 2005; Монин С. М. «Дело с Ираном действительно вышло неплохо...» // Международная жизнь. 2011, № 8; Оришев А. Б. В августе 1941-го; Ходеев Ф. П. Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.
- ⁴⁰ Переписка..., С. 27, 29.
- ⁴¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942... С. 314.
- ⁴² Там же. С. 202–205.
- ⁴³ Нефть для самой метрополии везти вокруг мыса Доброй Надежды было слишком далеко, и поэтому туда она поступала из Америки. Hastings Max. *Op. cit.* P. 117.

- ⁴⁴ Исаев А. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М., Яуза; Эксмо, 2012. С. 144.
- ⁴⁵ В декабре 2009 года президент Исламской Республики Иран М. Ахмадинежад дал своей администрации распоряжение оценить ущерб, который был нанесен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны. Планировалось потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа». «Газета», 2009, 22 декабря.
- ⁴⁶ Черчилль У. Указ.соч. С. 205.
- ⁴⁷ Переписка..., С. 40.
- ⁴⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942... С. 362–363.
- ⁴⁹ Переписка... С. 19, 29, 32.
- ⁵⁰ Переписка... С. 34, 36.
- ⁵¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942... С. 375–376.
- ⁵² Переписка... С. 44.
- ⁵³ Голуб Ю.Г. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация северного Ирана в августе–сентябре 1941 года.<http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Его же. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы// Отечественная история. 2004, № 3, С. 25; Гасанлы Дж. П. СССР — Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., Герои Отечества, 2006. С. 9–10; Любин Д. М. Указ. соч.
- ⁵⁴ См.: Гасанлы Дж. П. СССР — Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., Герои Отечества, 2006; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история, 1994. № 3.
- ⁵⁵ Оришев А. Б. В августе 1941-го. С. 76.
- ⁵⁶ Черчилль У. Указ. соч. С. 246–247.
- ⁵⁷ См.: Мощанский И. Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля — 31 декабря 1942 года. М., Вече, 2010; Тике В. Указ. соч.
- ⁵⁸ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. М., Воениздат, 1975. С. 219.
- ⁵⁹ Тике В. Указ. соч. С. 172–174.
- ⁶⁰ Лиддел Гарт Б. История второй мировой войны/пер. с англ. М., Астрель, 2012. С. 358–359.
- ⁶¹ Тике В. Указ. соч.
- ⁶² История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5.
- ⁶³ Широкоград А. Б. Италия. Враг поневоле. М., Вече, 2010. С. 240–253.
- ⁶⁴ Широкоград А. Б. Каспий — русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., АСТ: АСТ Москва, Хранитель, 2007. С. 285–286.
- ⁶⁵ Переписка... С. 84, 86.
- ⁶⁶ Широкоград А. Б. Италия. С. 250–253.
- ⁶⁷ Переписка... С. 27, 31, 33–34.
- ⁶⁸ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны/пер. с англ. М., ТЕРРА, 1995. С. 183.
- ⁶⁹ Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои. М., Андреевский флаг, 1997. С. 119.
- ⁷⁰ Coakley R. W. The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR. http://www.army.mil/cmh-pg/books/70-7_09.htm.
- ⁷¹ Переписка... С. 69.
- ⁷² Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., Наука, 2004. С. 353.
- ⁷³ Coakley R. W. Op. cit.
- ⁷⁴ Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Указ. соч. С. 136–142.
- ⁷⁵ Зорин Л. И. Особое задание. М., Политиздат, 1987. С. 50–51.
- ⁷⁶ Там же. С. 62–63.
- ⁷⁷ Там же. С. 56.
- ⁷⁸ Френкель М. Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1993, № 5. С. 42–50.
- ⁷⁹ Coakley R. W. Op. cit.
- ⁸⁰ Широкоград А. Б. Каспий — русское озеро. С. 287–323.
- ⁸¹ СССР и страны Востока... С. 285.